

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ», ТОЛЕРАНТНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС: ПОИСК ВНУТРЕННИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Н. А. Гаршин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июля 2025 г.

Аннотация: предметом исследования является феномен культуры отмены. Автор подробно рассматривает аксиологические основания данной проблемы, увязывая формирование и рост влияния культуры отмены на социальные процессы с деформацией толерантности. Особое внимание уделяется факторам и предпосылкам деформации толерантности, а также поиску диалектических взаимосвязей между социальным кризисом, деформацией толерантности и культурой отмены. Отмечается роль культуры отмены как маркера накопленных противоречий в современном обществе и необходимость поиска решений сложившихся проблем. Автор особо отмечает специфику исследуемых феноменов в условиях общества риска как особого состояния современного общества, а также вызовы, исходящие от медиасреды, механизации процесса коммуникации и мультипликации рисков.

Ключевые слова: толерантность, общество риска, культура отмены, социальный кризис, философия кризиса.

Abstract: the subject of the research is the phenomenon of cancel culture. The author examines in detail the axiological foundations of this problem, linking the formation and growth of the influence of cancel culture on social processes with the deformation of tolerance. Particular attention is paid to the factors and prerequisites for the deformation of tolerance, as well as the search for dialectical relationships between social crisis, deformation of tolerance and cancel culture. The role of cancel culture as a marker of accumulated contradictions in modern society and the need to find solutions to existing problems are noted. The author especially notes the specifics of the phenomena under study in the conditions of risk society, as a special state of modern society, as well as the challenges emanating from the media environment, the mechanization of the communication process and the multiplication of risks.

Key words: tolerance, risk society, cancel culture, social crisis, philosophy of crisis.

Кризис как объект социального исследования, в силу широты понятия, может быть рассмотрен с самых разнообразных позиций и при помощи методов различных наук. Философский анализ данного феномена заключается не только в попытке охвата его как феномена, реализующего себя в различных сферах общественной жизни, но и попытке оценки его с нестандартных ракурсов. Именно такие аспекты, на наш взгляд, позволят вскрыть неожиданные, специфические факторы его становления и, как следствие, подобрать наиболее комплексную методологию его преодоления, с целью последующего роста и развития социальных институтов, оказавшихся на определенном этапе в кризисном положении.

В рамках данной статьи мы предпримем попытку рассмотрения кризиса системы социальных отношений сквозь призму аксиологии и влияния толерант-

ности как ценности на уклад общественных отношений и культуру отмены, как сигнал о том, что толерантность деформирована и не способна полноценно реализовывать свой потенциал.

Толерантность как объект социально-философского анализа полноценно появляется в новоевропейской философии. Однако ее появление было подготовлено предшествующими эпохами. В частности, мотивы и элементы толерантности мы можем обнаружить как в Античном мире, так и в Средневековье. Тем не менее полноценно теоретически освоение толерантности началось в рамках философии Нового времени в трудах Дж. Локка, Ф.-А. Вольтера, Ш.-П. Монтескье и др.

Изначально толерантность вовсе не была ценностью, чье место в мире и системе социальных отношений являлось особенно значимым или выделяю-

щимся, особенно на фоне ценностей прогресса, разума и науки. Анализируя общее положение толерантности в новоевропейском обществе, мы можем охарактеризовать ее сущность как «право на невмешательство» со стороны государства и общества в те или иные вопросы. Именно о таком подходе рассуждал Дж. Локк в своем «послании о веротерпимости». Философ указывал, что в случае, если та или иная сторона общественных отношений не относится напрямую к сфере безопасности и государственных интересов, то вполне может обойтись без чрезмерного внимания властей. Мыслитель пишет, рассуждая о вопросах религиозной терпимости: «Правитель не должен запрещать ни одной церкви исповедовать любые спекулятивные догматы и учить им, потому что они не имеют никакого отношения к гражданским правам его подданных» [1]. Также к данной области, не требующей особого внимания со стороны государства, он относил вопросы, связанные с семейным укладом, а также моральным выбором. Безусловно, пороки должны быть порицаемы, однако худшие из них уже запрещены правом, к ним не может быть терпимости, а менее значимые попадают в область действия морали, и общество готово показать верный, благобразный путь поведения, однако оставляя выбор человеку. Важно отметить, что каждый случай индивидуален, и порой государство вынуждено вмешиваться и регламентировать отношения, на первый взгляд, не требующие этого, но, погружившись в детали, можно найти такой смысл. Кроме того, времена и социальные отношения со времен Локка значительно изменились. Так, С. Г. Ильинская подчеркивает, что заинтересованность Франции в привлечении мигрантов из бедных стран и терпимость к ним была обусловлена бурным экономическим ростом после Второй мировой войны. После окончания данного периода возможности социальной мобильности и реализации прав для мигрантов и их потомков были значительно снижены, что привело к росту напряженности между ревностными мусульманами и государственным аппаратом. Более того, по словам Ильинской, «значимость политического вызова, который они бросают этому государству, столь велика, что встает вопрос о новом общественном договоре» [2, с. 30]. В таком случае, безусловно, речь уже не идет о просто выборе религии отдельным человеком или исполняемым им культовым действиям, здесь мы попадаем в плоскость государственных интересов. Тем не менее смысл толерантности как невмешательства долгое время оставался основным как сугубо в философском, так и в практическом политическом дискурсе. Вместе с тем не стоит недооценивать его, для своей эпохи он был довольно новаторским и значительно расширял права и свободы человека. Кроме того, начинала осмысляться и полноценно

оформляться «социокультурная ниша» толерантности, т. е. место в рамках социальной структуры, в котором может развиваться лишь конкретный феномен, во многом определяя развития культуры. Как пишет А. С. Кравец, введший данный термин в оборот философии науки: «Социокультурная ниша... будет представлять собой определенное социальное пространство, заполненное социальными институтами и соответствующими <...> связями, в границах которого только и может развиваться определенный вид культуры. Другими словами, в социокультурную нишу входит необходимая для данного вида культуры совокупность материальных и духовных условий» [3, с. 5]. Толерантность, будучи сама плодом европейской культуры, сама стала одним из ключевых факторов ее развития, что позволяет нам говорить о диалектике ее взаимоотношений с культурой в широком смысле слова. Кроме того, благодаря указанному положению дел произошла легитимация многих форм социальной активности: религиозных культов, социальных и экономических практик. Таким образом, изначальные смыслы толерантности несли защиту многих форм деятельности человека, защищая права меньшинств. Однако, как мы увидим позднее, деформация толерантности, вызванная рядом факторов, вызвала ее отчуждение. Толерантность восстанет и против своей сущности, и против субъекта толерантности.

С течением времени и усложнением социальных отношений менялась и роль толерантности в обществе. От ценности, которая фактически лишь открывала возможность тем или иным формам социальной активности, толерантность становится принципом общественного действия. Этому способствует, например, усложненная экономическая система, связанная с переходом к рынку и конкуренцией, ведь для того чтобы торговать с человеком или нанимать его в качестве работника, необходимо терпимое отношение к различию с ним. Фирмы и компании же, избегающие работы с людьми, имеющими какие-либо отличия, будут проигрывать конкуренцию тем, кто избегает подобных предрассудков. Это особенно активно видно на примере США прошлого века.

Однако постепенно толерантность всё больше принимала на себя не свойственные ей функции, нарушала свои социокультурные границы. М. Б. Хомяков отмечает: «Как границы, так и содержание толерантности в очень высокой степени зависят от способа ее теоретического обоснования. При этом часто выход за эти границы, перенесение одного понимания толерантности на собственные объекты другой теории размывает ее содержание и даже способствует ее превращению в собственную противоположность» [4]. И в самом деле, чем больше функций забирала от различных социальных институтов,

находящихся в кризисе, толерантность, тем сложнее было сказать, чем именно она является и в чем состоит ее роль в обществе на текущий момент. Особенно это заметно становится в современном мире на примере идеологии. Классические идеологии вошли в состояние кризиса, что, в свою очередь, потребовало замещения их функционала другими формами ценностно-смысловых структур. Как отмечал в своей видеолекции С. Жижек, «радикальная утопия – не какое-то упражнение по свободе воображения, когда садишься и придумываешь мир. Это то, что ты делаешь, как внутренний толчок. Настоящая утопия – это не дело будущего, а то, что должно быть предпринято немедленно. Делай то, что в данных символических координатах кажется невозможным...<...> Время идеологии закончилось. Всё, что вы можете, – это играть в реалистичную игру принятия различий» [5]. Толерантность, попытавшись заместить собой идеологию, приняла на себя значительную часть ее функционала, что привело к деформации ее структуры и смыслополагания в обществе. Если ранее данная ценность стремилась к защите прав человека, отстаиванию интересов прав меньшинства, но без угнетения меньшинств, то сегодня часто большинство принуждается к несвойственному поведению в интересах меньшинства. О риске возникновения такой ситуации еще в середине прошлого века предупреждал Г. Маркузе. В своем эссе «Репрессивная толерантность» он отмечает, что «толерантность превратилась из активного состояния в пассивное, из практики в бездействие» [6, с. 101]. Такая толерантность уже отчуждена от своего субъекта, она восстает против него, как и против всего общества, как своего творца. Мало того, она отчуждается и от своей сущности, поэтому здесь мы можем отметить определенное сходство с марксистским прочтением отчуждения, но уже интерпретированное не в экономическом, а скорее в социокультурном ключе. Дело в том, что при деформации толерантности страдает именно ее субъект, т. е. непосредственно человек или социальная группа, реализующая данный принцип на практике. Интолерантный же субъект либо не замечает последствий деформации толерантности, либо же вовсе приобретает определенные преференции. Примером такого положения дел могут служить конфликты между местным населением и мигрантами, когда коренное население уже привыкло вести себя толерантно, освоило принципы функционирования данной ценности в обществе, тогда как для мигрантов, напротив, такое положение дел является чуждым. Более того, как мы видим на примере скандинавских стран, часто мигранты могут воспринять такое как слабость. В итоге толерантность оказывается направлена против того, кто реализует основанные на ней принципы общественной жизни. Безу-

словно, дело не в самой ценности, взятой в ее идеальном состоянии, а в практическом воплощении ее в жизнедеятельность общества. О важности соблюдения подобных общественных договоров, пусть и не гласных, предупреждал К. С. Аксаков еще в позапрошлом веке. Рассуждая о возможности терпимого отношения к Другому, отечественный философ указывал на необходимость соблюдения определенных пределов толерантности, пусть он этот термин и не использовал. В своей работе «О современном человеке» он пишет: «Нарушающий исповедание не может быть в обществе, основанном непременно на общем единстве исповедания. Удерживать в общественном союзе человека, нарушающего его основу, – значит соглашаться на нарушение самой основы и, следовательно, отказываться от нее, т. е. от самого исповедания. Итак, человек, нарушающий нравственную основу общества, не может быть терпим в этом обществе и должен быть из него исключен» [7]. Следовательно, мы четко видим необходимость соблюдения принципов толерантности и взаимного уважения всеми сторонами процесса, в противном случае она становится лишь инструментом принуждения.

Именно это свойство легло в основу культуры отмены. С одной стороны, интересанты способны подвергнуть любого человека серьезному давлению общества, с другой – лично фактически не несут никакой ответственности за свои действия. Особенно эта проблема актуальна в век информационных технологий и постправды, когда отклик в массмедиа куда важнее для позиционирования, чем фактическое положение дел. Часто опровержения или какие-либо уточнения информации уже не собирают такого охвата аудитории, как изначально поданная скандальная новость. А заявить, что человек нарушает те или иные принципы толерантности, стало довольно легко, поскольку четкие границы размыты, а массы, как правило, и вовсе не интересуются сущностным наполнением ценности и связанных с ней социальных процессов. Таким образом, деформированная толерантность и порожденная ею культура отмены фактически становятся анонимным орудием остракизма, способным доставить сложности неуголному человеку, даже если он ни в чем не виноват. Примеры – заявления Дж. Роулинг о существовании лишь двух полов, обвинения против Дж. Деппа, которые были впоследствии сняты судом, но человек уже испытал негативное влияние на свою карьеру, – всё это показывает, сколь неизбежна может быть культура отмены. Это особенно ярко проявляется в случае, если общество не готово разбираться с ценностно-смысловыми ее основаниями и причинами отмены того или иного человека или сообщества. Справедливо замечание А. С. Кравца и И. Ю. Тихоновой: «Получив развитие в инфосфере, канселинг постепенно

переносится обратно в реальную жизнь, неоднозначно влияя на взаимодействия между индивидами. Так, привыкая к упрощенной форме коммуникации в сетях и отсутствию ответственности перед анонимными собеседниками, человек с легкостью использует возможность отмены адресата» [8, с. 79]. Интернет-пространство во многом снижает самоконтроль человека, что переносится и в жизнь. Человек во многом перестает ценить подлинную коммуникацию, выбирая более механическую и формализованную, в результате теряя в реальном мире контакты с родными и близкими. Если долгое время были надежды, что машина будет вести более «человекообразные» диалоги, то сейчас мы можем наблюдать, что скорее человек сам уподобляется машине в псевдорационализме и формализации своих отношений и коммуникаций. Об опасности такого подхода предупреждает С. С. Православский, отмечая: «Имплицитная опасность такого “поворота” процессов социальной коммуникации состоит в том, что использование различных агентов легитимации (тех или иных социально-политических сил) возросшего потенциала современных информационных технологий может приводить к масштабным деформациям коммуникации и к общественным потрясениям» [9, с. 109].

Особую озабоченность вызывает тот факт, что современное общество характеризуется как «Общество риска». Данный термин был предложен У. Бекон для состояния социума, которое он описывает следующим образом: «общество риска есть общество, чреватое катастрофами. Его нормальным состоянием грозит стать чрезвычайное положение» [10, с. 5]. В таких условиях культура отмены сама по себе является фактором, способным активно вызывать к жизни все новые риски. Они, в свою очередь, угрожают обществу социальными кризисами. С учетом тесного переплетения всех сфер жизни обществ такие кризисы будут носить системный характер, что негативно отразится на каждом жителе государства. Мало того, такие кризисы и риски сами по себе являются маркерами ненормальности, неустойчивости современного мира, что требует от акторов особой ответственности. Культура же отмены, напротив, словно исподволь, стремится снять ответственность человека, сделав ее более коллективной и распределенной, что ведет к инфантилизации населения. А это, в свою очередь, также является риском, что отражает диалектическую взаимосвязь кризиса, деформации толерантности и культуры отмены. При этом разрешение или преодоление социальных кризисов как особой формы вызова перед обществом позволит преодолеть негативные тенденции в большинстве сфер, таким образом, мы должны отметить

скрытый позитивный потенциал даже в кризисном начале, однако для его реализации крайне важны грамотная и системная работа в данном направлении. Как отмечают Н. А. Гаршин и Д. Г. Кукарников, «в условиях общества риска даже самое позитивное и гуманистическое начинание может привести к возрастанию рисков и социальной напряженности, чреватой кризисами. Технологизация коммуникации представляет собой неоднозначное явление, которое имеет и позитивные, и негативные проявления» [11, с. 93]. При этом важно отметить, что текущее взаимодействие в социуме накладывается на кризис ранее сложившейся системы международного порядка, права, что позволяет нам найти истоки более системного кризиса, нежели это может показаться на первый взгляд, а деформация толерантности и культура отмены становятся в определенном смысле звеньями одной цепи, маркирующими возможное наступление новой культурной эпохи в случае преодоления данного кризиса.

По итогам статьи можно сделать следующие выводы. Деформация толерантности в силу распространения данной ценности в политико-правовых и социальных структурах современного западного мира оказывает существенное влияние на жизнь большинства людей, поскольку в условиях современного мира субъекты мирового сообщества тесно связаны друг с другом. Деформации толерантности способствовало множество факторов, ключевыми из которых являются разрушение границ толерантности и передача ей ряда несвойственных функций. Это привело к порождению культуры отмены, которая может быть рассмотрена как новая форма социального ostracism, что в условиях общества риска способно спровоцировать социальные кризисы в различных сферах общества, которые будут лишь усиливать эффект. Мало того, поскольку современное общество может быть рассмотрено как общество риска, то культура отмены способна постоянно генерировать новые риски и вызовы. Тем не менее даже в кризисной ситуации содержится позитивный потенциал, и преодоление текущих негативных тенденций способно не только стабилизировать общественное положение, но и заново переосмыслить границы толерантности и преодолеть ее деформацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Локк Д. Послание о веротерпимости // INLIBERTY URL: <http://old.inliberty.ru/library/187-poslanie-onbspveroterpimosti>
2. Ильинская С. Г. Толерантность как принцип политического действия : история, теория, практика. М. : Праксис, 2007. 288 с.
3. Кравец А. С. Наука как феномен культуры. Воронеж : Истоки, 1988. 92 с.

4. Хомяков М. Б. Толерантность и ее границы // Национальный психологический журнал. 2011. № 2. С. 25–33.
5. Жижек С. Реальность виртуального : видеолекция. Лондон, 2004. URL: <http://video.yandex.ru/users/doskado8/view/217/?cauthor=doskado8&id=16&ncrnd=465>
6. Маркузе Г. Репрессивная толерантность // Критическая теория общества : избранные работы по философии и социальной критике. М. : АСТ, 2017. С. 98–138.
7. Аксаков К. С. О современном человеке // Литература и жизнь. URL: http://dugward.ru/library/estetika/kaksakov_sovr_chel.html
8. Тихонова И. Ю., Кравец А. С. Феномен канселинга в информационном обществе // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Философия. 2025. № 1. С. 76–79.
9. Православский С. С. Трансформация социальной коммуникации в информационном обществе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4. С. 105–110.
10. Бек У. Общество риска : на пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
11. Кукарников Д. Г., Гаришин Н. А. Проблема коммуникации в обществе риска : вызовы медиареальности // Общественные науки и современность. 2023. № 3. С. 83–93.

Воронежский государственный университет
Гаришин Н. А., старший преподаватель кафедры
истории философии и культуры
E-mail: garshnick@mail.ru

Voronezh State University
Garshin N. A., Senior Lecturer of the History of Philo-
sophy and Culture Department
E-mail: garshnick@mail.ru